

Александр Шубин

1939–1941 годы: борьба исторических мифов в современной России

Когда мы говорим об исторических мифах, то выступаем в качестве историков современности, а не исследователей событий полувековой давности. Но Россия начала ХХI в. – это тоже предмет исторического исследования, и когда-нибудь будет написано немало диссертаций об общественном сознании этого периода. Уже нам, современникам, полезно было бы посмотреть на эту проблему глазами историков, а не публицистов и политологов. Ключевой эпизод, который оказывается в центре внимания – празднование юбилея Победы в 2005 г. и две связанные с ним проблемы: взаимодействие субкультур и место научно-экспертного сообщества в нашем социуме.

Современное историческое сознание в России представляет собой противоборство традиций, опирающихся на собственные субкультуры, в котором научная аргументация не просто вторична, а почти отсутствует. Что это за традиции?

Наиболее влиятельными с начала 90-х годов остаются четыре: державно-советская, державно-имперская (белая), «шестидесятническая», западническая. Наиболее четко они различаются в отношении к фигуре Сталина.

Четыре Сталина

После смерти исторической личности ее образ продолжает жить, влиять на общество. Люди продолжают «общаться» с «великими», соотносить свое поведение с опытом истории. Жизнь человека во многом зависит от того, какой исторический миф преобладает в его сознании и насколько он близок к реальности. Это определяет представление о должном и ложном.

Фигура Сталина – одна из центральных в историческом сознании наших соотечественников. Stalin при всей своей конкретной историчности – это образ-миф, корни которого уходят в ветхозаветный пласт нашей культуры, где миссия народа оправдывает любые жестокости его царя, направленные на ее осуществление. Во многом именно этот культурно-исторический пласт определял и оправдывал поведение Сталина и в его собственных глазах, и в глазах его сторонников – современных ему и современных нам. Ветхозаветный царь, будь то Давид, Иван Грозный или Stalin, не жалеет ничего и никого в защите избранного народа и его миссии.

Но наша культура и наше историческое сознание не ограничиваются ветхозаветной традицией. Они включают и новозаветное миропонимание, и славянские эпосы, и влияние западного индивидуализма, и пласт социалистической культуры – от Герцена и Маркса до Стругацких и Горбачева. Наше историческое мировосприятие многообразно. Многолики исторические образы, включая и образ Сталина. Сегодня он продолжает действовать в нашей культуре через множество противостоящих друг другу образов. И чаще всего мнения о Сталине больше характеризуют говорящего, чем самого Сталина.

Накладываясь друг на друга, эти культурно-психологические пласти должны, на первый взгляд, породить бесконечное многообразие интерпретаций событий прошлого. Но в реальности количество простых мифологических интерпретаций ограничено. Образы Сталина можно разделить на положительные и отрицательные, коммунистические (левые) и антисоветистские (правые). Налицо четыре основных мифа: правый сталинизм, характерный для державников (Сталин возродил «нормальный порядок», Российскую империю, разгромил революционеров, сепаратистов и внешних врагов, повел страну дальше по пути прогресса); левый сталинизм (Сталин – верный ученик Маркса и Ленина, создатель социализма, разгромивший антисоветские заговоры и фашизм); правый антисталинизм, характерный для либералов и сторонников «белой идеи» (Сталин – создатель тоталитарной империи, где все люди по сути стали «зэками», убийца около 100 миллионов людей); левый антисталинизм, характерный для троцкистов и «детей ХХ съезда», «шестидесятников» (Сталин – враг дела Ленина, предатель, погубивший революцию и революционеров). Все мнения о Сталине не сводятся к этим четырем, но большинство из них представляют их варианты, иногда более чем экзотические. Есть даже мнение, что Stalin хотел ввести демократию по западному образцу (либеральный вариант правосталинистского, державно-советского мифа).

При всей условности такого тестирования, легко обнаружить, что оно удачнее проходит на примере мифов, научные оценки советской истории в него часто не укладываются. Указанные четыре субкультуры имеют нежесткую идеологическую привязку: державно-советская – коммунизм и патриотизм в стиле КПРФ; «шестидесятники» – социал-демократические взгляды; «западники» – либерализм; «белые» – консерватизм. Однако эта привязка касается лишь ядра субкультур, мировоззренческая структура которых намного шире. Она включает живейшее отношение к событиям истории XX в., которые многими носителями соответствующих взглядов трактуются как актуальный опыт.

Субкультуры превратились в заметный фактор политики, который по своему влиянию в современной России превосходит влияние политических партий и наиболее заметно действует через телеканалы. В теледокументалистике идет борьба между «западниками» (например, исторический телесериал Н. Сванидзе на РТР), «белыми» (сериал «Вторая мировая война. Русский взгляд» на ТВЦ), советско-державной тенденцией (телепередачи о ВПК и КГБ на ОРТ, НТВ, РТР). На телеканале «Культура», призванном вроде бы способствовать поддержанию высокой научной планки, уровень мифологизации истории ничуть не меньше, чем на других каналах, но здесь господствует коалиция «шестиде-

сятников», «западников» и «белых». Тенденциозность большей части этой продукции бросается в глаза и обусловлена как представлениями теледокументалистов о своем ремесле (нужно «держать зрителя» сенсацией, не «грузить» его сложностями), так и ведомственным заказом (например, прославление ВПК). Бывает, что в один день друг за другом на одном канале (например, ОРТ) могут следовать программы разной ориентации – «белые» «Искатели» и советско-державная «Ударная сила».

Другой инструмент телевизионного воздействия субкультур – художественные фильмы, прежде всего сериалы. В ходе подготовки к 60-летию Победы были выделены значительные ресурсы на съемки телефильмов, которые заполонили эфир уже с 2004 г. («Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата», «Звезда эпохи» и др.). Не останавливаясь подробно на художественных качествах этой поточной продукции, скажу лишь, что, на мой взгляд, она ниже всякой критики и свидетельствует об откате от реализма к пародии на классицизм с его однозначностью образов и идеологическим пафосом. Но этот пафос нас здесь и интересует. Так как некоторые сериалы сняты по нашумевшим прежде произведениям, происходит интересное наложение разных субкультурных традиций автора произведения и авторов фильма), что приводит к «резонансам» в точках совпадения. Например, «Дети Арбата» – шестидесятническое произведение А. Рыбакова с такими атрибутами этой субкультуры, как легенда о противостоянии «хорошего Кирова» и «плохого Сталина». «Западники» не разделяют этот миф, предпочитая сосредоточиваться на параноидальности образа Сталина. В итоге этот образ нарисован такими черными красками, что теряет даже портретное сходство с прототипом. В «Московской саге», где шестидесятнические черты романа слабее, Сталин представлен в стиле советских фильмов 30–50-х годов как ходячий манекен, но, разумеется, не «положительный», а «отрицательный».

Но массированная критика сталинизма, которая вследствие ее публицистичности и низкого уровня, уязвима, вызывает реакцию отторжения у державных субкультур. Это порождает широкий запрос на реабилитационные тенденции, не только на книжном рынке (о чем ниже), но и в телесериалах. «Звезда эпохи» представляет «доброго Сталина» в исполнении любимого советскими зрителями актера А. Джигарханяна. Его Сталин – добный, мудрый, немного суеверный старик, который заботится о главных героях, советуется с ними, скажем, о перспективах войны в Испании (правда, судя по упомянутым датам – уже после ее завершения), и вообще вызывает симпатию. Что характерно, как и в «Детях Арбата», актер почти лишен портретного сходства со Сталиным.

Упомянутая реабилитационная тенденция опирается на рыночный запрос растущей советско-державной субкультуры. Наиболее оперативно реагирует на нее книжный рынок. Издательское дело менее монополизировано, чем телевидение, и вынуждено не только формировать спрос, но и ориентироваться на него. Спрос не требует научно доказанных истин, но читатель стремится получить хотя бы видимость доказательности. Поэтому литература на исторические темы содержит хотя бы фрагментарную, выборочную аргументацию. Собственно научные труды выходят тиражами в несколько тысяч экземпляров в тех же

сериях, что и публицистика, и отличить их друг от друга с первого взгляда не-легко – разве что по научному аппарату. Издатели ориентируются на свое понимание запросов читателя, на собственные вкусы и вкусы распространителей, экспериментируют с запросами публики. И эти запросы в последнее время отдают дань преимущественно реабилитационным тенденциям как в отношении советской эпохи, так и Сталина лично (публикации С. Кара-Мурзы, Ю. Мухина и др.).¹ Я не оцениваю сейчас ситуацию собственно в историографии, но упомяну, что и она подвержена подобной направленности.²

«Реабилитационная тенденция» в отношении Сталина вызывает резкое со-противление «западнической» и «шестидесятнической» субкультур. При подготовке к юбилею Победы в центре общественного внимания оказался вопрос о возможном установлении памятника «Ялтинской тройке». Сначала на Украине (первоначально речь шла об установке в Ялте), а затем в России разгорелся скандал – памятник, изготовленный известным и более чем лояльным, практически официальным скульптором З. Церетели, естественно, включал фигуру Сталина. После многочисленных протестов видных представителей либеральной интеллигенции от его установки на какое-то время отказались. Это событие рассматривалось комментаторами в контексте противостояния политики администрации В. Путина, направленной на восстановление некоторых советских этатистских традиций, и либеральной оппозиции. Но в данном случае кампанию против памятника поддержали и вполне лояльные президенту силы – свидетельство того, что в правящей элите России немало представителей самых разных субкультур, и советско-державная тенденция не является преобладающей.

Поля информационных «сражений»

Применительно к теме «Историческая память о войне», которую мы здесь обсуждаем, можно выделить несколько «полей сражений» между субкультурами (помимо уже упоминавшейся общей оценки роли Сталина) – присоединение Прибалтики, подготовка нанесения превентивного удара по Германии, Курская битва, цена Победы. Остановлюсь на трех проблемах, относящихся к 1939–1941 гг.,³ – мотивы советско-германского сближения, «превентивный удар» и присоединение Прибалтики.

Обсуждение первой проблемы важно для нас как пример затухающего спора. Субкультуры уже давно сформулировали свое отношение к советско-германскому сближению: «союз родственных режимов» («западники»), «беспринципная политика» («шестидесятники»), «мудрая государственная политика,

¹ Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М., 2003; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2 кн. М., 2002 и др.

² См. напр.: Жуков Ю. Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

³ Подробнее о спорах в историографии см. Шубин А. В. Мир на краю бездны: От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004. С. 270–504.

возможно – с ошибками, вызванными сложностью ситуации» (обе державные субкультуры). Тема возможной подготовки Сталиным превентивного удара по Гитлеру вызвала некоторое смятение в 90-е годы, которое в целом усложнило картину. Противоборствующие стороны дополнительно разделились на тех, кто считает идею «превентивного удара» компрометирующей СССР и поэтому отрицает или одобряет эту версию; и на тех, кто считает гипотетические действия Сталина оправданными. При этом позиция представителя той или иной субкультуры могла зависеть от его личных интересов и даже технических знаний (например, интереса к военной технике и ее параметрам). Любители военной техники составляют самостоятельную среду, которая включает представителей разных взглядов, хотя можно предположить, что преимущественно – державных. В течение 90-х годов основные аргументы «за» и «против» концепции превентивного удара были подробно рассмотрены и в историографии, и в публицистике, после чего все желающие определились во мнениях, и интерес к теме стал падать. Что касается исторической науки, то здесь наметился поиск более сложных компромиссных версий.⁴

Такой механизм затухающего спора не может реализоваться в отношении проблем, касающихся присоединения Прибалтики, так как они связаны с внешнеполитическими факторами, подпитывающими интерес к теме. Республики Балтии и отечественные политики время от времени черпают в истории дополнительные аргументы для проведения своего курса в отношении русскоязычного населения этих стран, а также для использования национально-ориентированных механизмов политической мобилизации сторонников. Юбилей Победы стал удачным поводом для противоборства на дипломатическом фронте, в ходе которого лидеры России и Балтии адресовались прежде всего к собственным избирателям. Сложная борьба в Балтии развернулась по поводу того, ехать ли руководителям государств в Москву на празднование юбилея, который официально считается началом «новой оккупации». В Прибалтике влиятельна позиция тех, кто оправдывает сопротивление «коммунизму» в союзе с нацизмом.

Позиция российской стороны по этому вопросу хорошо известна: реабилитационные тенденции в отношении коллaborационизма находят понимание разве что у части «западнической» общественности, преобладающее отношение к этой тенденции резко отрицательное. Соответственно мы получили скепсис прибалтийской стороны в отношении празднования юбилея Победы, выдвижение условий покаяния за оккупацию и неопределенность с тем, кто из лидеров Прибалтики прибудет на праздновании. Все это стало поводом для кампании осуждения прибалтийских правящих элит. Несмотря на то что прибалтийскую сторону действительно было за что критиковать, эта кампания, ставшая одним из знаменательных событий 2005 г., поражала своей непрофессионализмом.

Было бы полбеды, если бы речь шла только о внутриполитическом событии, где манипулирование массовым мифологизированным сознанием давно стало приметой времени. Но речь шла и об «экспортной продукции», о воздействии на мировое общественное мнение. В условиях, когда Россия несопоставима по

⁴ Там же. С. 464–514.

силе с СССР, ее представители не могут использовать тот же инструментарий, которым пользуются при обсуждении внутриполитических тем. Ведь во время дискуссий, на которых сталкиваются интересы разных государств, другая сторона может и возразить, причем так, что ее возражение нельзя будет проигнорировать.

Одним из объектов нападения российского телевидения, в частности главной новостной программы ОРТ «Время», стал выход в свет на русском языке в Риге коллективного труда «История Латвии. XX век». Труд был официально одобрен президентом Латвии и таким образом стал соблазнительной целью для критики, которая могла быть обращена не только против авторов книги, но и против официальной позиции Латвии. Скажу сразу, что, ознакомившись с трудом латвийских коллег, я тоже готовился его критиковать. Но мы сейчас разбираем особенности не латвийской историографии (на мой взгляд, по ряду причин менее свободной, чем российская), а российской телепропаганды. А она шокировала. Было заявлено, что книга скрывает преступления нацизма и называет концентрационный лагерь Саласпилс всего лишь «Саласпилской расширенной полицейской тюрьмой» и «воспитательно-трудовым лагерем». Однако в книге сказано: «В октябре 1941 года было начато строительство концентрационного лагеря в Саласпилсе. [...] Лагерь официально назывался Расширенная полицейская тюрьма и воспитательно-трудовой лагерь».⁵ Как видим, вполне объективная формулировка. В результате выступления российского телевидения латвийская сторона предстала оклеветанной, а российская критика – заведомо необъективной.

На мой взгляд, в этом случае мы имели дело не с сознательной фальсификацией, а просто с привычкой российских журналистов работать в условиях монополии на мнение, отсутствия критической среды. Не нужно изучать предмет, о котором говоришь, – все равно никто не может возразить вещателю с много-миллионной аудиторией. В итоге журналисты не стали читать книгу, которую им поручили раскритиковать, а лишь посмотрели иллюстрации. Одна из них изображала лагерь, и под ней стояла подпись с официальным названием этого учреждения. Заглянуть в книгу журналисты не догадались, а уж тем более – привлечь специалистов, которые указали бы на действительно уязвимые ее стороны, за которые она достойна принципиальной критики.

Еще более серьезным прецедентом, подтверждающим отсутствие экспертно-научного обеспечения политической элиты, стало выступление президента Путина на пресс-конференции 10 мая 2005 г., посвященной празднику Победы и обстоятельствам прошедшей войны. На вопрос эстонской журналистки о том, не следует ли России принести извинения за оккупацию Балтии, Путин ответил: «Насчет оккупации. Возьмите, пожалуйста, постановление Съезда народных депутатов 1989 года, где черным по белому написано: Съезд народных депутатов осуждает пакт Молотова-Риббентропа и считает его юридически несостоятельным. Он не отражал мнение советского народа и являлся личным делом Сталина и Гитлера. Что еще можно сказать более ясно и точно по этому вопросу? [...]»

⁵ История Латвии: XX век. Рига, 2005. С. 265.

Если в 39-м году прибалтийские страны вошли в состав СССР, то в 41-м Советский Союз не мог их оккупировать, потому что они были его частью. Я не очень хорошо учился в университете, потому что пил много пива, но кое-что я помню, у нас были хорошие преподаватели».⁶

Кому адресовано это высказывание? Разумеется, избирателю. Тому избирателю, который не мудрствует лукаво, пьет пиво и любит Родину (соответственно не любит, когда к ней пристают с унизительными требованиями). На внутреннем политическом рынке эта риторика действует хорошо. На внешнем она неконкурентоспособна, так как прибалтийская сторона легко может установить, что Съезд народных депутатов в 1989 г. не осуждал пакт Молотова-Риббентропа, а только секретные протоколы к нему и что Прибалтика вошла в состав СССР не в 1939 г., а в 1940 г. Такие оговорки могут иметь политические последствия, облегчая задачи латвийской дипломатии в противоборстве с Россией. Но, как и в случае с телевидением, политики привыкли апеллировать к историческому опыту без достаточного научно-экспертного обеспечения.

Прошу понять меня правильно: я не ставлю задачи критиковать президента России, при нынешних избирательных технологиях мой голос не имеет никакого значения. Но Путин – уже историческая личность, символ периода в истории нашей страны, политического стиля. Следовательно, его важные «оговорки» – это симптомы более важных и глубоких процессов.

«Независимость» науки

Мы видим, что научное сообщество никакой роли в противоборстве на историческом поле почти не играет. Куда оно пропало из процесса формирования исторического сознания?

В системе модерна научно-экспертное сообщество играет важную роль, одну из ключевых. Во многих политически и экономически ангажированных спорах наука, в том числе ее интерпретация исторического опыта, была последним аргументом. Отсюда – стремление политических сил и государств контролировать науку, в итоге происходит государственная идеологизация исторического знания. В то же время само научное сообщество замыкается на политические элиты, обеспечивая их закрытые экспертизы, и на структуры Просвещения, обеспечивая соответствие трансляции знания нормам, согласованным в сфере науки.

Мы живем в «счастливую» эпоху, когда историк может быть совершенно «независим», так как от него ничего не зависит. В современной России научное сообщество отключено от политической элиты (с последующим впадением в нищету значительной части научных работников). Механизм просвещения в современной России (как и в современных обществах вообще) испытывает естественный кризис из-за его низкого уровня влияния (как и науки) на средства массовой информации. Фундаментальные труды, соблюдающие все правила поиска истины, принятые в науке, выходят микроскопическими тиражами

⁶ Цит. по видеозаписи.

(иногда – сотнями экземпляров). Публикации большими тиражами зависят от коммерческой востребованности или государственного финансирования, но не от научной значимости. Чтобы спасти от бедности, часть научного сообщества пытается сочетать собственно научную деятельность с коммерческой, по сути публицистической. Но тут ученый проигрывает публицисту, так как последний – свой в системе СМИ и развлекательной литературы, а историк – чужак, носитель совершенно другого метода. Историк, участвующий в создании мифов, всегда менее последователен, чем публицист, не связанный уважением к знанию. Недавно один из видных представителей «партии власти» привел мне в качестве примера успешного ученого–историка Э. Радзинского. На мои возражения по поводу того, что Радзинский – драматург и публицист, что он не занимается собственно наукой, депутат стал убеждать меня, что благодаря Радзинскому мы наконец поняли, почему Бухарин каялся на процессе 1938 г. и т. п. Дело, разумеется, не в Бухарине и не в том, что мнение Радзинского на этот счет – домысел драматурга, на который он имеет право, а ученый историк – нет. Суть проблемы заключается в том, что носители власти (и не только человек, которого я привел в пример) считают, что созданный публицистами миф может заменить научный метод. Такая позиция вполне понятна, но власть и развлекающиеся граждане оказываются неготовыми к столкновению с реальностью, которая не совпадает с господствующим мифом.

В руках историков остаются справочная литература и экспертиза учебной литературы. Но, как уже упоминалось, авторитет и значимость институтов просвещения в современном российском обществе значительно ослабевают, и этот процесс судя по всему не завершен.

Но есть и оптимистические штрихи к портрету 2005 года. Так, заметный резонанс имела организованная в феврале с участием Института всеобщей истории конференция по проблемам, связанным с событиями 1939 г. Это интересный пример вполне конструктивного диалога специалистов из России и стран Прибалтики. Такие беседы могут способствовать наведению мостов понимания там, где некомпетентность чиновников привела к углублению конфликтов.

Правда, востребованность этой работы остается под сомнением. Научное сообщество трудно управляемо. Ответы серьезных историков, как правило, неоднозначны и не укладываются в манипулируемую «черно–белую» логику. Здесь кстати вспомнить любимую фразу В. Жискар д’Эстена: «Да, но...» Так нередко отвечаем и мы. Была ли агрессия против Польши? Да, но... Была ли оккупация Прибалтики? Да, но... Были ли планы удара по Германии? Да, но...

Упоминавшийся мной политик спросил: «Сколько нужно историков». Я ответил: «Сколько осталось. В условиях нищеты все лишние уже занимаются чем-то другим. Остались только подвижники». В определенном смысле мы снова живем в эпоху Возрождения, представляя собой тонкий слой интеллектуалов, изолированных от важнейших институтов общества. Но, может быть, в силу нашего социального положения, мы как никогда близки к народу. Вызывая раздражение у представителей власти и журналистов, мы, носители таинственного сложного Знания, вызываем симпатию, сочувствие и интерес со стороны населения. И в этом – залог будущей востребованности науки. Если возродится

потребность общества в рациональном самосознании, если наука восстановит свои позиции в трансляции исторической традиции, если она будет снова вос требована для лечения язв общественного сознания, то у общества есть шанс избавиться от слепоты.